

ОТЗЫВ

на диссертацию Атнагулова Ирека Равильевича
на соискание ученой степени доктора исторических наук
«Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков:
становление и трансформация идентичностей»
по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Представленная к защите на соискание учёной степени доктора исторических наук диссертация И.Р. Атнагулова относится к числу текстов, написанных в классической этнографической традиции монографического исследования. В качестве объекта в таких случаях рассматривается один народ или какая особая группа внутри народа, независимо от его/её численности, который или которая детально описывается с точки зрения его/её происхождения, этнической истории, материальной и духовной культуры, а также самосознания. В данной диссертации объектом интереса и внимания стал народ нагайбаки, который почти три десятка лет тому назад, как свидетельствуют переписи населения России, получил (или вновь вернул себе) официальный статус самостоятельного народа. Собственно говоря, именно новейшая история народа, который недавно был признан – что, конечно, вызывает некоторые дискуссии – и делает тему диссертации чрезвычайно актуальной и в историографическом плане, и в концептуально-методологическом. В настоящем отзыве я специально остановлюсь на последнем, так как считаю, что значение работы И.Р. Атнагулова необходимо оценивать в более общей перспективе тех теоретических подходов, которые сегодня используются в этнологии.

Однако вначале я обращусь к структуре и содержанию диссертационной работы. Она состоит из введения, четырёх глав, заключения, а также значительных по объёму приложений в виде карт, таблиц, рисунков, фотографий, словарь терминов, которые, безусловно, хорошо дополняют собственно аналитическую и описательную часть исследования. Введение содержит, помимо постановки целей и задач, подробный историографический раздел, описание ме-

тодологии и характеристику самых разнообразных источников и методов исследования. К методологии я вернусь ниже, что касается остальных разделов, то они, на мой взгляд, дают достаточно полное представление о теме, о тех разногласиях, которые имеются в литературе, и знакомят с той исследовательской лабораторией, в которой И.Р. Атнагулов создавал свою собственную этнографию.

В первых двух главах «Этническая история нагайбаков с начала XVIII до середины XIX в.: истоки становления идентичностей» и «Идентичности нагайбаков с середины XIX до начала XX в.: структура и факторы трансформации» представлены факты и их интерпретации, которые касаются истории нагайбаков в 18-19 и в начале 20 вв. И.Р. Атнагулов детально описывает контексты и динамику процесса выделения нагайбаков в отдельную группу со своим самосознанием и специфическим набором культурных практик. Это выделение, как показано в диссертации, началось в 18 веке благодаря политике имперской власти, которая взаимодействуя, в частности, с казахами и башкирами, пыталась противопоставить им военную силу казачества, которое в свою очередь формировалось в том числе из крещённых татар. Диссертант убедительно раскрывает, как в контексте этой региональной политики империи появилась группа «нагайбакских казаков», включившая в себя как крещённых (старо- и новокрещённых) татар, так и представителей других народов. При этом диссертант приходит к выводу, что «принадлежность к казачьему сословию впервые очертило границы группового самосознания нагайбаков среди остального кряшенского населения Восточного Закамья и социально отделило их от другой части населения, которая ни по языку, ни по каким-либо другим этнокультурным признакам от них не отличалась» (с. 63). Организованное империей переселение нагайбаков уже в первой половине 19 века на территорию их нынешнего проживания в Южное Зауралье привело, как показано в диссертации, к серьёзным трансформациям нагайбакской идентичности. Здесь они оказались в новом окружении русских и казахов (и калмыков), были полностью оторваны от крещённых татар Восточного Закамья. Тесное взаимодействие с русскими одного с

ними сословия стало усиливать отличие нагайбаков от других кряшен, «В новой окружающей их этнической среде, – пишет И.Р. Атнагулов, – нагайбаки выглядят уже не столько как казаки или православные христиане, сколько как представители иного этноса, говорящие на непонятном языке и имеющие особые черты культуры. Дальнейшее развитие нагайбакских идентичностей привело к тому, что именно комплекс собственно этнических признаков стал доминантным маркером» (с.170). Во второй главе И.Р. Атнагулов реконструирует по имеющимся источникам нагайбакскую культуру, как она выглядела на рубеже 19-20 вв., и определяет её характерные особенности, отмечая также процессы начавшейся промышленной унификации и частичной ассимиляции.

Третья и четвёртая главы «Этнокультурная характеристика нагайбаков в XX – начале XXI в.» и «Современные идентичности нагайбаков: структура, механизмы и результаты трансформаций» посвящены изучению проблем трансформации нагайбакской идентичности и культуры в 20 веке и анализируют их современное состояние.

В третьей главе диссертации мы видим очень всестороннее этнографическое описание хозяйства нагайбаков, их строительных практик, системы питания, одежды и т.д. Рисуя картину «этнической культуры» и находя этнически специфические её черты, И.Р. Атнагулов обращает в то же время внимание и на приспособление культурных привычек к местным экологическим условиям, и на внедрение советских форм организации экономики и вообще стандартов повседневности, и на изменения образа жизни местного сообщества уже на рубеже 20-21 веков, в эпоху, скажем так, нового капитализма. В этой же главе рассматривается современная социально-профессиональная структура нагайбакского сообщества, правда не всегда ясно, в какой степени она имеет отличительную специфику именно у нагайбаков в сравнении с русскими и казаками, является ли такая структура, например на уровне стереотипов, этноразделяющим признаком. В этой же главе диссертант, активно используя исторические свидетельства и результаты массовых анкетных опросов, рассказывает о языковых предпочтениях и практиках, о роли религии и религиозности у нагайбаков,

в частности отмечает, что оба эти ключевых признака претерпели в 20 веке существенные изменения – нагайбакский язык был вытеснен русским во многих сферах жизни, а религиозность потеряла своё значение в эпоху советского атеизма. Правда, как резонно отмечает диссертант, на символическом уровне и язык, и религия сохранили свою этноотличительную функцию, в отличие от словного признака, который окончательно ушёл в историческую память и фольклор. Наконец, в этой же части диссертации отдельно рассматривается вопрос о межнациональных браках.

В четвёртой главе И.Р. Атнагулов больше сосредотачивается на собственно идентичности и факторах, которые её поддерживали и поддерживают. В частности, диссертант указывает на роль всесоюзной (1926 г.) и потом все-российских (2002 и 2010 гг.) переписей, куда нагайбаки были официально включены в качестве отдельного народа, а также на факт фиксации этнонима в названии Нагайбакского района, которое сохранилось даже после исключения нагайбаков из официального списка национальностей между 1926 и 2002 годами. Здесь же рассказывается о спровоцированной переписными кампаниями дискуссии вокруг крышен (включая в этом случае и нагайбаков) в 2000-е годы по вопросу о том, необходимо ли их выделять в отдельный народ или считать официально группой в составе татарской национальности. Отмечает диссертант и попытки, прежде всего элиты Татарстана, отстоять татарскость нагайбаков, признанную официально между 1939 и 1989 годами, и попытки, с другой стороны, части нагайбакской элиты «при поддержке части населения» сконструировать свою собственную, в частности лингвистическую, идентичность «на противопоставлении ближайшему по родству языку с целью более чёткого маркирования языковых границ» (с.267). Большой объём этой главы занимает также подробный анализ материалов опроса по поводу того, что сами люди считают этническими маркерами своей идентичности. Вывод из этого анализа звучит так: «Самоидентификация современных нагайбаков строится как на оппозиции, так и на ощущении общности с соседними народами – русскими, казахами и татарами. Главными этнодифференцирующими признаками для

нагайбаков являются наличие родного языка и религиозная принадлежность. Последняя в условиях русского этнического большинства выполняет этнодифференцирующую функцию только по отношению к казахам и татарам, но роль её очень важна, поскольку нагайбаки с этими двумя народами обнаруживают чрезвычайную языковую близость» (с.280). В этой же главе И.Р. Атнагулов подробно описывает расселение и изменение численности нагайбаков в новейшее время, что, правда, несколько выбивается из заявленного фокуса на идентичности.

Две последние главы, в отличие от первых двух, разделены между собой не строго по хронологическому признаку, а скорее или ещё по тематическому, но это размежевание не всегда, на мой взгляд, получается чётким и иногда логические связи между разделами и главами не очень точно обозначены. Иногда у меня возникает, например, вопрос, что дают нам для понимания процессов идентификации детализированные, действительно тщательно собранные данные о демографической и социально-профессиональной структуре, подробные описания элементов материальной культуры? Или, с другой стороны, почему, говоря о переписях, диссертант более подробно не исследует проблему, кто и на каком основании принимал решение о лишении нагайбаков статуса народа после 1926 года и о его возвращении в 2002 году? Что происходило в советское время с фиксацией национальности в паспортах и других документах? Кто и как осуществлял в советское время программы школьного образования на татарском языке в местах расселения нагайбаков, кто и по каким причинам свернул, как я понял, эти программы в 1960-е годы и какие программы образования существует сегодня? Какие люди и политические контексты стояли за этими разными решениями в 20 веке? Эта тема очень ярко показана в диссертации применительно к 18 и 19 векам, однако относительно 20 века в тексте возникает некоторая осторожность и схематичность, а диссертант всё больше переходит от исследования государственной политики на описание материального мира и анкетных ответов.

Как мне показалось, именно для обоснования такой осторожности И.Р. Атнагулов отсылает в методологическом разделе введения и в заключении к «полипарадигмальности», предполагающей «оценку этнической идентичности с позиций объективизма» и одновременно допускающей «множественность и изменчивость идентичностей этнического сообщества» (с.47). Диссертант в данном случае следует большой историографической традиции в этнологии, которая пытается соединить «ужа с ежом», конструктивистский взгляд с примордиалистским, увидеть непротиворечивость в использовании этих двух концептуально противоположных парадигм, которые, на мой взгляд, не могут быть никак соединены. Отсылка к «полипарадигмальности» позволяет диссертанту, исследуя сложную историческую траекторию нагайбакской идентичности, при этом наделять той устойчивой «материальностью», которая бы позволила на равных включить нагайбаков в пантеон уже признанных «этносов». В результате одни части диссертации написаны в конструктивистском ключе, другие – в примордиалистском, но получается, на мой взгляд, не соединение, а смешение двух подходов, каждый из которых продолжает существовать сам по себе, а читателю приходится всё время переключаться с одного концептуального языка на другой.

Мне, как приверженцу конструктивизма (что упоминает в диссертации и И.Р. Атнагулов), всё таки особенно симпатичны те части, где диссертант описывает идентичность нагайбаков как «комплекс, исторически сформировавшийся из различных... слагаемых», показывает, как эти слагаемые выступали на первый план или уходили на второй под действием множества факторов, как «этническая идентичность нагайбаков формировалась, опираясь на оппозицию окружающему этническому большинству», причём в зависимости от того, кто был таким большинством – татары или русские, разные слагаемые идентичности приобретали более или менее важное значение, как государство своим вмешательством постоянно воздействовало на изменение этих контекстов, что влекло за собой переработку идентичности. Мои предпочтения не означают, что другая методология не имеет права на существование. Это вопрос исследо-

вательского выбора и дискуссии, которая продолжается и будет продолжаться. Стремление И.Р. Атнагулова найти некий компромисс тоже является таким выбором, который не ставит под сомнение качество диссертации, но который вызывает желание вернуться ещё раз к обсуждению методологических проблем этнологического знания. Я вижу в этом методологическом поиске серьёзный плюс диссертации и важность поднятых вопросов, которые выходят далеко за рамки обсуждения судьбы одного отдельного народа.

Всё сказанное позволяет мне сделать вывод, что основные выводы диссертации И.Р. Атнагулова соответствуют требованиям пункта 9 «Положения о присуждении ученых степеней», а её общее содержание может быть оценено как существенное научное достижение. Публикации в рецензируемых изданиях полностью отражают теоретические, методические и историко-культурные выводы диссертации в согласии с п. 11 «Положения...». Автор везде корректно излагает точки зрения других исследователей и ссылается на источники обсуждаемых материалов и идей в соответствии с п. 14 «Положения...». Научный вклад автора соответствует требованиям, предъявляемым к соискателям ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при написании обобщающих трудов по этнографии и этнологии тюркоязычных народов Поволжья и Урала, а также при методической подготовке специалистов-этнологов. По теме диссертации издано 43 научные работы, в том числе 3 монографий, 18 статей в рецензируемых изданиях (в соответствии с п. 11-13 «Положения...»), 3 учебно-методических пособия. Основные положения всех публикаций полностью согласуются с выводами диссертационной работы. Автореферат целиком соответствует структуре и содержанию диссертации.

Профессор факультета антропологии
Автономной некоммерческой
образовательной организации

высшего образования

«Европейский университет в Санкт-Петербурге»,

доктор исторических наук (07.00.07 – этнография, этнология, антропология)

Сергей Николаевич Абашин

s-abashin@mail.ru

11 мая 2017 г.

Подпись профессора факультета антропологии АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», д.и.н. С.Н.Абашина

удостоверяю:

Нач. отдела кадров АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3-А

8-812-386-76-15

www.eu.spb.ru

А.Н. Васильева

